

КЛАССИЧЕСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД «ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» (СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)¹

Худокормов Александр Георгиевич
*д.э.н., профессор,
заведующий кафедрой
истории народного хозяйства и
экономических учений
МГУ им. М.В. Ломоносова
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

Статья посвящена экономической истории французского феодализма. Основными рассмотренными здесь проблемами являются: феодальная раздробленность XI–XIII вв. и ее постепенное преодоление, трагические последствия Столетней войны (1337-1453) и последующее возрождение французской экономики, положение основных классов и сословий феодальной Франции. Данная статья является продолжением материала «Экономическая история «классического феодализма» (на примере Франции)», опубликованного на страницах журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», № 3 и подготовленного профессором А.Г. Худокормовым.

Ключевые слова: экономическая история Франции, феодальная раздробленность, экономическая политика, сравнительный анализ французского и русского феодализма.

JEL коды: N 400, O 130.

¹ Данная статья является продолжением материала «Экономическая история «классического феодализма» (на примере Франции)», опубликованного на страницах журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», № 3.

2. Худокормов А.Г., e-mail: inh-k@mail.ru

Как справедливо отмечается в исторической литературе, «в X веке Франция вступила в эпоху развитого феодализма, отлившегося здесь в наиболее завершенную классическую форму» [История Франции..., 1972. с. 67]. Свидетельством тому было сразу несколько важнейших факторов.

Прежде всего именно во Франции в X-XV вв. был достигнут тот максимальный уровень производительных сил, который был возможен в Западной Европе при сложившихся тогда общественных отношениях. Во-вторых, именно в этой стране ранее других стран обрели классическую форму основные классы и сословия, характерные для феодальной эпохи. В-третьих, Франция раньше других государств создала характерную для «высокого Средневековья» городскую экономику. И, наконец, именно во Франции впервые в классической форме сформировалась типичная для классического феодализма раздробленность. «Во всей Западной Европе это был самый ранний случай раздробления номинально единого королевства на настоящие феодальные княжества» [История Франции..., 1972. с. 67].

1. Феодальная раздробленность и ее постепенное преодоление

Историки единодушно отмечают, что первым Капетингам приходилось нелегко. Реальная власть новой династии распространялась лишь на относительно небольшой собственный домен (Иль-де-Франс) – дословно «остров Франции» - в среднем течении рек Сены и Луары с городами Париж и Орлеан. Как указывает известный французский писатель Андре Моруа, окружавшие домен Капетингов «крупные сеньеры-соперники – графы Фландрии и Блуа, герцоги Нормандии, Анжу и Аквитании – полагали себя столь же могущественными, что и король... А Юг вообще не признавал власти короля» [Моруа, 2008. с. 57].

В конце X и в XI вв. весьма скромными были и финансовые ресурсы королевской власти. Гуго Капет и его первые потомки могли располагать доходами только со своих собственных земель и, чтобы существовать, вынуждены были переезжать из поместья в поместье, как некогда поступали «ленивые короли» династии Меровингов.

Первые сто лет основные усилия Капетингов сводились к тому, чтобы удержать королевский титул и навести порядок в собственном домене. При поддержке христианской церкви и ее епископов, утверждавших священный характер королевской власти, им это в значительной степени удалось. Впрочем в XI-XII вв. процесс известной политической консолидации разворачивается на территории большинства крупнейших феодальных княжеств Франции. Не только король, но и герцоги, графы борются со своеволием непокорных баронов, т.е. своих непосредственных вассалов.

Отчего же именно королевский домен Иль-де-Франс, т.е. северный регион стал центром образования национальной государственности Франции. Ведь владения герцогов Аквитании или графов Тулузских изначально были по меньшей мере не слабее. А.Д. Люблинская находит объяснение в поддержке королевской власти со стороны северофранцузских городов: «В северной части Франции с центром в Париже, в отличие от Юга, рано начали завязываться экономические связи между областями. Основу их составлял постоянный обмен необходимым для развивающегося ремесла сырьем и сельскохозяйственными продуктами, потреблявшимися

городами и особенно Парижем в значительном количестве» [История средних веков..., 1966. с. 274].

А.Д. Люблинская указывает далее на значительную роль рано развившейся специализации отдельных областей Северной Франции (торговля железной рудой, солью, скотом и сукнами из Нормандии, полотном, сукном и высококачественными винами Шампани и Бургундии, разнообразными ремесленными изделиями из Парижа). Обращает на себя внимание конечный вывод российского ученого, согласно которому особенности экономического развития северофранцузских городов, их активная роль в формировании внутреннего рынка обусловили и их заинтересованность в политическом объединении страны. В XII-XIII вв. города Северной Франции неизменно поддерживали королевскую власть в ее борьбе с крупными феодалами за централизацию государства [История средних веков..., 1966. с. 274-275].

К рубежу XII-XIII столетий консолидация отдельных территорий Франции достигла заметных результатов. В самом королевском домене сопротивление местных феодалов было сломлено еще в период правления Людовика VI (1108-1137) и его канцлера Сугерия. «Разбойничьи» замки непокорных вассалов были либо разрушены, либо превратились в места размещения королевских гарнизонов во главе с назначенным королем шателеном. Сходные меры принимали и другие крупные сеньеры. Повсюду в стратегических пунктах строились крепости; дороги, рынки, мосты и переправы охранялись, а дворянская вольница оказалась под известным контролем [История Франции..., 1972. с. 95].

В XII веке началось уже не просто умиротворение, а чем дальше, тем больше – интенсивное расширение королевского домена. Теперь Капетинги обладали значительными средствами, чтобы покупать отдельные сеньерии, иногда целые графства или епископства. Благодаря династическим бракам с последними представительницами династии Каролингов, наследницами других крупных сеньерий, они приобрели ряд богатых поместий и областей, включая графство Шампань.

Выдающуюся роль в объединении Франции сыграл, в частности, король Филипп II Август (1180-1223 гг.), который дополнительно подчинил своей власти крупные северные области, включая Нормандию и часть центральных областей (Овернь, Анжу, Турень и др.). К концу его царствования власть Капетингов распространялась уже на половину территории современной Франции.

После кончины Филиппа Августа к королевским владениям были присоединены Пуату, некоторые графства Аквитании, графство Тулузское, включая такую обширную область, как Лангедок. К концу XIII в. вне королевского домена оставались только Бургундия, Прованс, часть графств Аквитании и герцогство Бретань, а сам домен короля занимал уже три четверти территории Франции, простираясь от Фландрии до Средиземноморья [История Франции..., 1972. с. 97-98].

В ходе политической консолидации страны король начинает добиваться клятвы верности не только от своих непосредственных вассалов, но от всех представителей «благородного сословия», владеющих сеньериями на территории его домена, включая так называемых «арьер-

Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Том 6. Выпуск 4.
вассалов» (т.е. вассалов его вассалов). Этот процесс получил название имедиатизации (от лат. *immediatus* - непосредственный).

Немалую роль в централизации государства сыграла также гибкая политика королевской власти на местах. Присоединяя новые земли, короли Франции, как правило, не лишали бывших сеньеров их земельных владений и некоторых властных прерогатив. Однако представители королевской власти в административном аппарате (прево, бальи, сенешали) бдительно следили за действиями некогда независимых феодалов и пресекали малейшие проявления своеволия и сепаратизма.

С преодолением феодальной анархии связаны административная, судебная и монетная реформа короля Людовика IX (1226-1270). Так, в ходе последней королевская золотая монета, обладавшая хорошим качеством, стала вытеснять монеты, чеканившиеся другими крупными сеньерами. Реформы Людовика IX увеличили доходы королевской казны. Многочисленные поступления формировались за счет деятельности королевских судов (главная часть), а также прочих доходов от домена, сборов городов (городская талья) и др.

2. Хозяйственный подъем XI-XIII вв.

Политическая консолидация Франции происходила на фоне довольно быстрого и устойчивого роста производительных сил страны и отчасти подпитывалась этим процессом. Первые столетия высокого Средневековья (до XIII века включительно) вообще считаются относительно благополучным периодом французской истории. Имеются конкретные данные, согласно которым, за период с 1000 года до XII века «население, жившее на территории современной Франции, удвоилось, а в течение XIII в. возросло еще вдвое» [Арзаканян и др., 2007. с. 46].

Основой демографического роста стал «медленный, но непрерывный прогресс сельского хозяйства» [История Франции..., 1972. с. 71]. В наибольшей степени он затронул северную часть Франции – слегка холмистую равнину с плодородными почвами, удобными для выращивания зерновых, овощей и садовых культур. Южная часть страны, обладая меньшей площадью удобных равнинных участков, издавна специализировалась на виноградарстве и выращивании оливковых деревьев. Именно на севере Франции впервые установилось господство трехпольного оборота, тогда как на юге из-за засушливого климата еще долго преобладало двухполье.

Улучшению подверглись орудия сельскохозяйственного труда, особенно металлические рабочие части. Внедрялся все шире тяжелый плуг. Усовершенствованная упряжь (хомут вместо нашейного ярма) позволила заменить на полевых работах волов лошадьми. В результате пахота стала производиться вдвое, а иногда – втрое быстрее. Применялась улучшенная обработка земли, в том числе удобрение ее навозом и мергелем, многократная (до 4-х раз) вспашка почвы. Улучшилось и качество скота, возросла его тяговая сила и продуктивность (в том числе, вследствие более широкого применения стойлового содержания).

Постепенно возрастала урожайность зерновых. Средние урожаи пшеницы были невысоки (сам – пять). Но на севере Франции, где в XIII веке были получены наилучшие результаты,

пшеница часто давала урожай сам – восемь, а в лучшие годы сам – пятнадцать (урожаи ржи достигали сам – семи, овса – сам - шести) [История Франции..., 1972. с. 76].

В целом в северных и восточных регионах страны урожайность к XIII веку выросла в полтора-два раза. Большое значение для обработки зерна имело распространение не только водяных, но теперь также ветровых мельниц. Мельничий помол улучшил качество муки и выпекаемого хлеба.

На юге и юго-востоке Франции урожаи зерновых увеличились не столь значительно. Зато этот край именно в X-XIII веках впервые превратился в центр выдающегося виноградарства и виноделия. (Для развития последнего особое значение имело широкое применение механического пресса). Тогда же были впервые получены новые высококачественные сорта винограда (регионы Бордо, Бургундии, Анжу и др.). Вино вошло в постоянный рацион французов, значительно улучшив его качественный состав. Постепенно многие хозяйства южных и юго-восточных районов Франции стали превращаться в специализированные винодельческие фермы [см. подробнее: Dion, 1977].

Для интересующего нас периода огромное значение приобрела внутренняя колонизация французских территорий, позволившая несколько снизить остроту малоземелья. Труды историков позволяют определить этапы так называемых расчисток, в результате которых в хозяйственный оборот вовлекались дополнительные участки земли и возникавшие на них новые селения. Первые значительные по масштабам расчистки появлялись на севере и отчасти в Бургундии еще в конце IX века (в других регионах Франции – в XI веке). Тогда они затронули главным образом более легкие для освоения пустоши и залежи. На следующем этапе, благодаря улучшенным орудиям труда и лучшим тягловым свойствам рабочего скота, началось освоение лесов, болот, морских побережий. Этот решающий этап начался примерно в середине XII века; во второй половине указанного столетия расчистки достигли пиковых значений, а в первые десятилетия XIII века пошли на спад. На третьем этапе (большая часть XIII – XIV вв.) на новых площадях в центральных регионах Франции были устроены отдельные хутора с огороженными полями, садами и пастбищами (система бокажа) [История Франции..., 1972. с. 73-74].

На начальном этапе расчистки нови происходили за счет усилий отдельных крестьянских семей. Приращения угодий были относительно небольшими. На втором этапе потребовалась работа крупных крестьянских сообществ и разрешение земельных собственников. По приглашению сеньеров пришельцы (госпиты) осваивали лесные, болотистые почвы и ланды на льготных условиях. Инициаторами расчисток могли стать также обделенные наследством младшие сыновья феодалов, а иногда целые объединения живущих по соседству рыцарей. Поселенцев ссужали деньгами, инвентарем, а доходы делили сообразно понесенным затратам.

Рост урожайности и увеличение обрабатываемых площадей смягчили негативные последствия имевших место ранее тяжелых голодовок и сопутствовавших эпидемий. Положение большинства жителей Франции улучшилось, что привело в конечном счете к отмеченному выше почти четырехкратному росту населения страны в XI – XIII вв.

Рассуждая о развитии производительных сил Франции, нельзя не сказать несколько слов о возникновении городской экономики (подробно в общем курсе Экономической истории об

этом рассказывается в специальной лекции на тему: «Экономика средневекового города»). Бурный рост городов начинается в XI веке и уже к XIII веку Франция покрывается целой сетью городских поселений различного размера. Население крупнейшего из них – Парижа – в XIII веке достигало весьма внушительной по тем временам величины в 70 тыс. человек, Руана – в 50 тыс. Сеть французских городов была столь густа, что их округа ограничивались относительно небольшой территорией радиусом в 10-12 км. Города превратились в центры ремесел и торговли. Они существенно влияли на сельскую экономику Франции, предоставляя рынки сбыта сельскохозяйственной продукции. Это также способствовало обогащению ассортимента товаров для личного и производственного потребления всех сословий, хотя, конечно, в неравной степени.

3. Сдвиги в положении французского крестьянства

Несмотря на обилие городов и быстрый рост их населения, подавляющая часть трудового люда Франции была представлена по-прежнему крестьянством.

Период X – XI вв. составляет время наибольшей нивелировки в положении французских крестьян. Наименование «серв» в значении «крепостной» приобретает все более широкое распространение. Авторитетный труд российских историков исходит из того, что в X – XI вв. сервы были не только многочисленны, но, возможно, составляли большинство населения страны [История Франции..., 1972. с. 92].

Однако даже тогда положение отдельных прослоек крестьян во Франции характеризовалось разнообразными формами зависимости – от полной закрепощенности до лично свободного состояния с небольшим фиксированным оброком. Казалось бы, к X – XI вв. следы происхождения одних крестьянских семей от галло-римских рабов и колонов и других – от свободных германцев (франков или бургундов) должны были исчезнуть вовсе. Но они все же сохранялись и находили выражение «в разном размере и разном типе повинностей, а позже сказались и в разных формах освобождения от личной зависимости» [История Франции..., 1972. с. 89-90].

Вместе с тем, несмотря на обилие местных особенностей, можно выделить наиболее распространенные в X – XI вв. личные повинности феодально зависимого французского крестьянина, а именно:

- шеваж, или поголовный сбор. Небольшой по размеру, он считался особенно унижительным, так как его уплата как раз и свидетельствовала о сервильном (крепостном) состоянии крестьянина;

- мэнморт, или посмертный побор с наследства (право мертвой руки). По указанному праву крестьянин при приеме наследства обязан был отдать часть имущества умершего отца, либо другого родственника. Обычно отдавалось лучшее из домашних животных;

- формарьяж, или брачный побор. Размер его устанавливался обычаем. Побор уплачивался в случае брака с лицом, не подчиненным местному сеньеру;

- произвольная талья – материально наиболее обременительная повинность в пользу сеньера. Взималась продуктами, а позднее деньгами.

Кроме указанных личных повинностей, в обязанности сервов входила работа со своим скотом и инвентарем на поле сеньера (полевая барщина). В X – XII вв. она преобладала в крупных монастырских сеньериях, при обычной норме трех дней в неделю. Светские сеньеры, особенно средние и мелкие, применяли главным образом оброчную систему, а в господском хозяйстве требовали от крестьян выполнения не полевых, а транспортных и строительных работ. Поскольку тогда во Франции развернулось массовое сооружение замков, этот вид барщины оказался для французского крестьянина весьма обременительным.

Наметившаяся в XI – XII вв. тенденция к переходу от полевой барщины к натуральному оброку объяснялась тем, что прогресс в сельскохозяйственном производстве происходил в первую очередь не в домениальном хозяйстве сеньеров, а в крестьянском хозяйстве, где сильнее ощущалась заинтересованность непосредственных производителей. Сеньеры, замечая эту разницу, стремились перенести процесс формирования феодальной ренты в хозяйства самих крестьян.

Этим же объясняется возникновение относительно новых форм эксплуатации зависимого крестьянства. Если раньше (до X века) общинные угодья – леса, пастбища, выгоны, дороги и водные пути – находились, как правило, в совместном владении крестьянской общины и сеньера, то уже в X – XI столетиях эти угодья в значительной части были захвачены сеньерами. Крестьянские аллоды еще сохранялись (чаще всего на востоке и юге страны). Но даже там и особенно на севере основной земельный фонд, включая непахотную землю, все более сосредоточивался в руках феодалов. Крестьяне продолжали пользоваться прежними общинными угодьями, но уже за специальные поборы, которые взимал с них сеньер.

Похожий механизм характерен для возникновения так называемых баналитетов. Раньше многие мельницы, печи, даильни и прессы принадлежали крестьянам на правах общинного владения и использовались ими бесплатно. Установившаяся в X – первой половине XI вв. система баналитетов означала, что за пользование этими сооружениями крестьяне отныне должны были платить сеньеру. Фактически происходила феодальная экспроприация общинной собственности. В дальнейшем феодалы приступили к сооружению собственных объектов такого рода, а их управляющие внимательно следили, чтобы крестьяне не уклонялись от пользования ими. С этой целью, например, конфисковывались ручные крестьянские жернова, чтобы заставить крестьян отдавать часть зерна за помол на господской мельнице.

Известно также, что в своих владениях сеньеры, особенно крупные, систематически взимали судебные штрафы, дорожные, мостовые, паромные, рыночные и другие пошлины [История Франции..., 1972. с. 88]. Часть таких поборов ложилась на плечи крестьян.

Как справедливо отмечается в исторической литературе, установление новых поборов и повинностей, а также рост размеров десятины в пользу церкви, означали усиление феодальной эксплуатации крестьянства. Но одновременно все это свидетельствовало о росте продуктивности крестьянского хозяйства, которое в противном случае погибло бы от истощения. К тому же крестьяне, как могли, сопротивлялись давлению сеньериальных поборов. В роли ограничителей

феодалной эксплуатации выступали, в частности, так называемые кутюмы (обычай), которые выработывались десятилетиями, а иногда и столетиями в ходе заключения межсословных компромиссов. Кутюмы ограничивали произвол сеньеров, их управляющих и определяли верхнюю планку взимаемой отработочной, продуктовой, а позднее денежной ренты.

4. Социально-экономическая характеристика господствующего сословия

Класс феодалов в XI – XII вв. значительно увеличился в числе, усилил позиции и испытал внутреннее деление на несколько прослоек. Как указывал Ф.Я. Полянский, еще в X и отчасти в XI вв. феодальная иерархия отличалась неустойчивостью: один и тот же сеньер именовал себя то герцогом, то маркизом или графом. С XII века титул герцога окончательно становится самым высоким после короля и обязательно включает наименование территориальных владений его носителя [Полянский, 1962. с. 158].

На верхних ступенях феодальной лестницы сразу после короля располагались, как правило, прямые наследники каролингской знати в основном в лице герцогов и графов. В X – XI вв. из потомков менее значительных провинциальных королевских администраторов (вице-графов) и представителей боковых ветвей высшей знати окончательно формируется прослойка средних феодалов (виконты и чаще всего - бароны). Слуги и низшие вассалы короля крупных светских и церковных сеньеров образуют самую многочисленную прослойку мелких феодалов (экюйе или шевалье) являвшихся по зову господина с «одним щитом», но уже без вассалов. В каролингскую эпоху (VIII – IX вв.) эти «однощитные рыцари» уже входили в окружение крупных сеньеров, составляли их свиту, считались представителями сеньериального «дома», то есть «людьми сеньера». В последующем они часто наделялись господином землей (после акта инвеституры). Вследствие этого обширные имения потомков каролингской знати к XI – XII веку оказались разделенными на множество мелких рыцарских фьефов (новое распространившееся название феодалов). Даже церковным магнатам, чьи владения отличались большей целостностью приходилось выделять фьефы для светских феодалов, выступавших в роли слуг и защитников монастырей.

Другим источником, пополнявшим ряды низших феодалов, стало выделение из крестьянской общины наиболее зажиточных аллодистов. Их сеньерии были, как правило, очень малы, но все же достаточны, чтобы дать их владельцам возможность всецело сосредоточиться на занятиях военным делом и не заниматься более сельскохозяйственными работами. Высказывается мнение, что таким образом во Франции сформировалось большинство мелких сеньерий [История Франции..., 1972. с. 86].

Процесс формирования класса феодалов завершился во Франции быстрее, чем в любой другой стране Западной Европы (уже в XI веке). Как отмечают российские историки, «параллельно феодальной иерархии лиц существовала повторявшая ее почти во всех деталях иерархия фьефов. Феодал был связан со своим фьефом, ибо через него он занимал соответствующее место, как в хозяйственном, так и в социально-политическом строе общества» [История Франции..., 1972. с. 86]. Фьеф предоставлял материальное обеспечение, обуславливал социальное положение и имидж феодала и даже давал ему имя. (Скажем, известное нам по роману Дюма-отца имя д'Артаньян означало, что семейство отважного гасконца владело сеньерией Артаньян, а титул его друга Атоса - граф де ла Фер - свидетельствовал, что его далекие

предки были когда-то королевскими заместителями, а затем стали владельцами сеньерии ла Фер).

5. Дальнейшие изменения в положении основных классов французского общества (XIII – начало XIV вв.)

Относительно спокойный XIII век в целом благоприятно сказался на положении французского крестьянства. Существенно выросла продуктивность крестьянских хозяйств, усилилась их связь с городской экономикой, которая также испытывала быстрый рост. Крестьяне постепенно превратились в главных поставщиков городских рынков, а их продукция упорно и неуклонно теснила здесь продукцию светских и церковных сеньерий.

В свою очередь феодалы, реагируя на возросшую товарность крестьянского хозяйства, стали интенсивно переводить крестьян на денежный оброк. Процесс замены натуральных повинностей денежными получил название коммутации (изменения) ренты. Начавшись в XIII веке рентная коммутация продолжалась и в последующем. В результате к концу XV в. полевая барщина, в частности, почти исчезла даже в наиболее консервативных церковных сеньериях востока и юго-востока Франции.

Согласившись на ликвидацию домена и барщины, на перевод крестьян на денежную ренту, французские сеньеры решали несколько проблем. Во-первых, при подобном устройстве дел оказывался не нужным громоздкий аппарат надзора за доменальным хозяйством. Достаточно было установить фиксированные платежи с крестьян за пользование господской землей. Такие платежи получили название ценза. Крестьянские наделы стали именоваться цензивами, а сами крестьяне – держателями цензивы, или цензитариями. Во-вторых, к XIII веку заметно возросла потребность феодалов в деньгах. Начавшиеся с конца XI века крестовые походы познакомили французских рыцарей с образом жизни Востока. Вернувшиеся во Францию сеньеры, приобщившись к «вкусу роскоши», приступили к преобразованию собственного быта. Они не довольствовались более теми примитивными, грубоватыми изделиями, что производились в их имениях. В их замках появилась удобная резная мебель, ковры, драпировки, к столу подавались приправленные дорогими пряностями блюда, возросли требования к напиткам, более качественному вину и т.д. Кроме того, многократно возросла стоимость более сложного военного снаряжения. Все это требовало больших денег, и коммутация ренты отчасти решала эту проблему.

Ликвидация господской запашки, широкое распространение денежных цензов привели к еще более важному сдвигу во французском обществе – началу освобождения крестьян от личной зависимости. Как пишут историки, исчезновение барщины обусловило исчезновение серважа, поскольку «отсутствие потребности в принудительном труде делало личную зависимость ненужной» [История Франции..., 1972. с. 100].

Французские крестьяне стали выходить из личной зависимости, уплачивая выкуп за основные сервилльные повинности (шеваж, мэнморт, формарьяж). Такой выкуп стал массовым уже в XIII веке. Остро нуждавшиеся в крупных денежных суммах светские сеньеры и король отпускали на выкуп не только отдельные крестьянские семьи, но целые деревни и даже группы

деревень. Дольше других противились выкупу церковные вотчины, отличавшиеся особым скопидомством и меньше нуждавшиеся в деньгах.

В целом уже в XIII – XIV столетиях большинство крестьян во Франции стали лично свободными. В экономическом плане это означало прежде всего преодоление сеньериального произвола. Ценовые платежи устанавливались на долгий срок и даже считались «вечными». Более того крестьянин-цензитарий мог продать, купить землю, разделить ее между наследниками, отправить ее в залог и т.д. Сеньеры обычно не препятствовали этому, поскольку получали пошлину с каждой такой сделки при сохранении общей суммы цента.

Таким образом, на рубеже XIII – XIV вв. во французской деревне типичной фигурой стал лично свободный наследственный держатель господской земли. Это привело к еще одному важному сдвигу – «превращению зависимой общины в сельскую коммуну лично свободных крестьян» [История Франции..., 1972. с. 102]. Опираясь на общинное самоуправление, крестьяне сообща отбивали попытки сеньеров повысить ценовые сборы, баналитеты, пошлины. С другой стороны, институт сельской коммуны облегчал королевской власти взимание налогов. Начиная с XIV века, эксплуатация крестьянства посредством налогового пресса со стороны государства во все большей степени оттесняла эксплуатацию со стороны местных сеньеров.

Обращает на себя внимание энергичная деятельность по финансовой централизации, характерная для короля Франции Филиппа IV (Красивого), имевшего также прозвание Железный король (правил в 1285 – 1314 гг.). Именно Филипп IV, ведя постоянные войны и нуждаясь в деньгах, приступил к созданию единой государственной налоговой системы, внедрив прообраз единого государственного налога – королевскую талью. С целью лучшей собираемости налогов он дал согласие на образование выборного сословного собрания – Генеральных штатов (1302) из представителей духовенства, дворянства и горожан². Вместе с тем финансовая централизация проводилась королем весьма рискованными, часто насильственными методами.

Так, для увеличения доходов казны Филипп IV санкционировал сокращение удельного веса благородных металлов в королевской монете, за что получил еще одно прозвище – король-фальшивомонетчик. Он же требовал постоянной помощи (aide) с городов и провинций, причем денег назад не возвращал. Именно по его приказу из Франции были изгнаны евреи-ростовщики; их имущество было конфисковано, а за право вернуться истребован большой выкуп. Наконец, именно Филипп IV стал инициатором разгрома ордена тамплиеров с целью завладеть его несметными богатствами.

Рассуждая о сдвигах в положении господствующего сословия Франции, нельзя не упомянуть о проведенной Филиппом IV военной реформе. В ходе ее малопригодное для ведения длительных войн феодальное ополчение было заменено более профессиональным и дисциплинированным постоянным королевским войском. Параллельно происходил процесс формирования нового института фьефа-ренты. Суть его заключалась в том, что вассальному

² Сошлемся на тезис фундаментального труда по истории Франции: «Генеральные и провинциальные штаты осуществляли важную функцию добывания денежных средств для государственных нужд. Они в значительной степени способствовали созданию государственной финансовой системы и превращению феодальных по своему характеру эпизодических «помощей» и субсидий в регулярные налоги, взимаемые со всей страны». [История Франции..., 1972. с.109].

рыцарю за службу предоставлялась уже не земля, а пожизненная денежная рента. Институт фьефа-ренты не разрушал, а лишь дополнял традиционные связи вассалитета между мелким и более крупным сеньером. Однако он способствовал большей сплоченности французского дворянства вокруг короля, говоря точнее, отражал «первую стадию» консолидации центральной властью низовых прослоек дворян в масштабах всей страны [История Франции..., 1972. с. 104].

К рубежу XIII – XIV веков крупные французские феодалы в значительной степени также утрачивают связи с собственным хозяйством и землей, передоверяя надзор за сеньериями управляющим. Денежная форма ренты превращает таких сеньеров в поземельных рантье. Уделом (и весьма престижным) для рядовых рыцарей становится служба в королевской армии, а материальной основой их жизни также является денежная рента в форме фьефа-ренты.

6. Трагические последствия Столетней войны и последующее возрождение Франции

Легенда гласит, что погибший на костре по повелению Филиппа IV гроссмейстер ордена тамплиеров Жак де Молле в последнюю минуту жизни проклял короля и весь его род. И проклятье, действительно, осуществилось: прошло немногим более года, как умер сам Железный король. Его ближайшие наследники – последние Капетинги по прямой линии – не оставили мужского потомства. В 1328 г. пресеклась прямая линия монархов, идущая от Гуго Капета. Династический кризис совпал по времени с кризисом политическим, а затем социально-экономическим [Арзаканян и др., 2007. с. 64]. Все это открыло тяжелейший этап в истории Франции, главным событием которого стала Столетняя война (1337-1453).

Благоприятная хозяйственная конъюнктура предыдущих столетий сменяется резко выраженным падением аграрного и ремесленного производства, частыми голодовками и катастрофическими эпидемиями, прямым сокращением населения, анархией государственных финансов и денежного обращения, народными восстаниями и другими негативными явлениями.

Главной причиной наступивших бедствий была, как уже отмечалось, беспрецедентно длительная война с Англией, продолжавшаяся в общей сложности 116 лет и прошедшая почти полностью на территории Франции. Война привела к полному исчезновению многих деревень, запустению значительной части обрабатываемых земель. В городах резко уменьшилось число ремесленников, сократились капиталы купеческого сословия, обороты местной и дальней торговли. Убыль населения, вызванная войной, усугублялась последствиями голода и эпидемий. Подлинной демографической катастрофой стала эпидемия легочной чумы («черная смерть») 1347-1349 гг., унесшая жизни примерно трети населения страны. Уцелевшие жители страдали от разгоревшихся феодальных усобиц, прямого разбоя военных отрядов, не находивших должного отпора. Крестьянские восстания, крупнейшим из которых была знаменитая Жакерия (1351), подавлялись с поразительной жестокостью. И все это на фоне тяжелых военных поражений французской армии (Креси, Пуатье, Азенкур), которые неоднократно ставили под вопрос существование суверенного французского государства [История средних веков..., 1966. с. 301]. (Напомним, что согласно самому тяжелому мирному договору 1420 г. в Труа, Франция фактически утрачивала национальную независимость и становилась частью англо-французского королевства). Только в 1430-1440-х гг. началось возрождение Франции, ознаменовавшееся

крупными военными успехами, в том числе под водительством национальной героини Жанны д'Арк.

После победоносного завершения Столетней войны хозяйство Франции быстро восстанавливалось. Однако северо-восточным провинциям, разрушенным сильнее других, понадобилось 20-30 лет, чтобы достичь уровня производства 30-х гг. XIV века. В 1451 г. был издан указ о полной отмене королевской тальи (на 8 лет) для крестьян, вернувшихся на прежнее место проживания. Во многих запустевших областях сеньеры приглашали крестьян принять наследственное держание земли за крайне низкий фиксированный ценз или за натуральный оброк, равный 1/6 – 1/12 урожая. Тогда же исчезли последние формы серважа, поскольку сеньеры стремились привлечь работников к земле на самых льготных условиях.

Правда, после нескольких десятилетий, феодалы пустили в ход многочисленные средства, чтобы увеличить размер ценза, восстановить утраченные баналитеты. Но этому воспротивились сельские общины, или сельские коммуны, окрепшие во время войны, когда крестьянам, брошенным на произвол судьбы, приходилось целиком полагаться на вооруженную самозащиту. В XV веке сельские коммуны завоевали себе важные права: их выборные должностные лица ведали распределением и сбором налогов, представляли интересы крестьян в судах при тяжбах с феодалами, управляли делами внутри общин. Совместное сопротивление крестьян не позволило сеньерам нарастить уровень ценза, а прочие сеньориальные поборы возросли незначительно.

Вторая половина XV века в истории Франции отмечена новой волной политической и экономической централизации. Этот процесс связан в первую очередь с деятельностью умного и упорного в достижении целей короля Людовика XI. За годы его правления (1461-1483) только королевская талья поднялась более, чем в 3 раза. Уплачиваемая преимущественно крестьянами, она частично заменила поборы, которые французские крестьяне платили прежде местным феодалам.

Людовик XI принимал энергичные меры по восстановлению городского ремесла. Находившиеся под защитой крепостных стен города Франции испытывали в период войны меньшие бедствия, чем незащищенные деревни. И в целом ремесло возрождалось быстрее, тем более, что Людовик XI поощрял развитие таких отраслей как шелкоткачество, металлургия и металлообработка, книгопечатание, стекольная промышленность и др. [История средних веков..., 1966. с. 303-304]. Несколько позднее – к концу XV века – трудолюбивое крестьянство вернуло Франции определенное изобилие в производстве зерновых, вина, мяса и других ценных продуктов [История средних веков..., 1966. с. 303].

Людовик XI оказался умелым политиком и дипломатом. Его усилиями к Франции были присоединены Пикардия, Невернэ, Бургундия, Прованс. Уже после его кончины в состав Французского королевства вошла Бретань. В XIV-XV вв. на севере Франции на основе парижского диалекта сложился единый французский язык.

К концу XV века во Франции действовало 15 университетов. Наряду с Парижской Сорбонной (основана в 1200 г.) широкую известность приобрели университеты Монпелье (медицинский факультет) и Орлеана (юридический факультет). В следующее столетие Франция вошла как мощное централизованное государство с развитым сельским хозяйством, крупными и

богатыми городами, интенсивной торговлей, растущей культурной общностью [История средних веков..., 1966. с. 306].

7. Феодализм во Франции и на Руси: сравнительный анализ

Наше повествование завершается концом XV века. Франция залечила раны, нанесенные Столетней войной, и вступила в относительно благополучный, мирный период исторической эволюции. В мировой истории тогда же закончилось Средневековье и началась эпоха Нового времени, с присущим ей постепенным вызреванием предпосылок индустриальной цивилизации и капиталистического способа производства.

Поскольку именно Францию считают страной классического феодализма, целесообразно сравнить французский вариант с русской, точнее – древнерусской разновидностью этой общественно-экономической системы. Такое сравнение, возможно, будет интересно не только в историческом, но и в теоретико-экономическом плане, с точки зрения политической экономии в широком смысле слова.

Начнем с того, что французский феодализм намного старше древнерусского. На территории будущей Франции, особенно в Северной Галлии, поэтапный переход к феодализму начался вскоре после падения Западной Римской империи (476 г.). На Руси эволюция в указанном направлении началась почти на полтысячи лет позднее. На территории к северу от Луары уже к VII веку сформировался феодальный уклад, который в течение следующих двух столетий стал вполне устойчивым образованием. В VIII – IX вв. здесь упрочилось крупное барщинное домениальное хозяйство, принадлежащее либо королю, либо отдельным сеньерам. Возникла также система мелких и средних сеньерий. Лично зависимое население составляло весьма значительную часть крестьянства³. В целом, как подчеркивалось, уже к X веку Франция вступила на стадию развитого классического феодализма [см. Худокормов, 2015].

На Руси формирование феодальных отношений тогда только начиналось. Хозяйственный и общекультурный подъем Древнерусского государства (Киевской державы) не может заслонить того факта, что феодальное поместье князей, бояр или монастырей было здесь редкостью. Даже в эпоху правления Ярослава Мудрого, его сыновей и внука – Владимира Мономаха (XI – начало XII вв.) подавляющее большинство населения составляли лично свободные общинники, платившие подать великому князю. В этом смысле основное экономическое отношение феодализма – феодальная рента – еще не отделилось от общего государственного налога.

Классический французский феодализм сформировался на основе симбиоза античных и варварско-общинных элементов. Такое противоречивое единство обусловило их взаимопроникновение и взаимное обогащение в ходе сравнительно быстрого феодального синтеза [см. подробнее: Худокормов, 2015]. Становление феодализма на Руси происходило вдали

³ Французские историки (Р. Бутрюш, Р. Фоссье, Г. Фуркен и др.) утверждали, правда, что в Северной Галлии, где феодальный уклад сложился раньше всего, доля сервов и рабов даже в IX веке едва ли превышала третью часть крестьянского населения. Но кроме указанных прослоек там же проживали представители других феодально зависимых слоев, например, колонны, а также лично свободные крестьяне, находившиеся под патронатом сеньеров и обязанные им небольшими оброками и эпизодической барщиной [Boutruche, 1968. P. 156-159; Fossier, 1969; Fourquin, 1964].

от античного наследия. Влияние Византии было ограниченным и в хозяйственной сфере ощущалось слабо. В силу этого феодальный генезис оказался здесь замедленным, так как свободные общинники противились закабалению, а обширные, малозаселенные территории создавали для такого сопротивления нужные условия⁴.

Основным критерием становления феодальной экономики и общества выступает формирование феодальной системы землепользования. Феодальная собственность на землю, в отличие от земельной собственности в рабовладельческом обществе, является более сложным отношением, характеризуется своеобразной двойственностью, или, по выражению академика С.Д. Сказкина, «расщепленностью» [Сказкин, 1968]. Весьма рельефно это выражено проф. С.И. Сметаниным, который в главе о генезисе французского феодализма специально подчеркивает: «Феодальные отношения предполагали двух собственников земли: феодала, имеющего право на получение ренты и крестьянина, имеющего право распоряжаться землей. Феодал не мог отобрать у крестьянина землю, а крестьянин мог эту землю не только передать по наследству, но и продать, только к покупателю переходила и обязанность платить ренту» [Конотопов, Сметанин, 2003. С. 34].

Известная хозяйственная самостоятельность французского крестьянина, право его, или, если угодно, частичная монополия его на землю как на объект хозяйствования на всем протяжении французского феодализма в целом усиливались. Почему так? Потому, что указанная самостоятельность оказывалась тем сильнее, чем слабее была личная зависимость крестьянина от феодала.

Во Франции раннее развитие товарно-денежных отношений обусловило, как уже указывалось, замену барщины, а затем натурального оброка оброком денежным. Коммутация феодальной ренты, начавшись в XIII веке, завершилась через два столетия почти полным исчезновением господской запашки и барщинной повинности. Исчезновение барщины делало излишней личную, крепостническую зависимость крестьянства. В отсутствие свободных земель крестьянина прочно привязывал к феодалу участок земли, на котором он вел хозяйство.

Бытие французского крестьянства в конце XV в. было далеко от идиллического. Кроме ренты собственному сеньеру ему приходилось уплачивать королевскую талью, церковную десятину, проценты ростовщику. Но нельзя не видеть, что в рамках классического феодализма постепенно сложились институты социальной самозащиты крестьянства. Сначала это были обычаи, или кутюмы, лимитировавшие размеры крестьянских повинностей. Затем образовалась целая система крестьянского самоуправления, в рамках которого сельские общины (сельские коммуны) сообща противостояли попыткам сеньеров возродить прежние и ввести новые формы феодальных поборов [см. подробнее: Fourquin, 1964].

⁴ Как подчеркивают отечественные историки, очевидные отличия феодального строя Руси от классических образцов «заключаются в огромной роли государственного сектора в экономике страны – наличии значительного числа свободных крестьянских общин, находившихся в феодальной зависимости от великокняжеской власти...». Далее те же авторы пишут: «В экономике Древней Руси феодальный уклад существовал наряду с рабством и первобытно-патриархальными отношениями». Отсюда вытекает «раннеклассовый, близкий к варварским государствам Европы характер Киевской державы» [Орлов и др., 1999. С. 33-34].

На Руси подобные формы крестьянской самозащиты распространения не получили. В течении 240 лет на ее территории господствовало монгольское, золотоордынское иго, что резко ограничивало политическую и хозяйственную самостоятельность даже высших сословий, тем более крестьян. Если во Франции период «высокого Средневековья» характеризуется ослаблением, а затем и исчезновением личной зависимости крестьянина от феодала, то на Руси личная зависимость последовательно усиливается – от некоторых ее форм, зафиксированных в «Русской правде» (XI век) к ограничению личной и хозяйственной свободы крестьянина в Судебниках Ивана III и Ивана IV, введению писцовых книг и заповедных лет в конце XVI столетия и, наконец, к полному закрепощению русских крестьян по Соборному Уложению 1649г.

Дуализм, «расщепленность» феодального землепользования, феодальной собственности на землю имели место и в истории русского феодализма. Несмотря на крепостничество, русский помещик, как правило, не мог беспрепятственно согнать крестьянина с земли, лишить его права хозяйствования на ней. Но вплоть до начала XIX в., а иногда и дольше, в Российской империи имели место такие уродливые явления как месячина, то есть перманентная барщина (когда крестьянин лишался собственного хозяйства и работал за содержание только на господина), продажа крестьян без земли в отрыве от его хозяйства, перевод пашенных крестьян в дворовые или в работники вотчинных мануфактур.

Но ведь феодализм потому и выше рабовладения, что создает у непосредственных производителей большую заинтересованность в труде. Уплатив ренту и прочие платежи, оставшимся продуктом труда крестьянин распоряжается самостоятельно. Однако указанные выше одиозные формы русского крепостничества отнимали у крестьянина последние возможности экономической свободы. В отличие от классического французского образца российский феодализм так и не смог полностью избавиться от черт, характерных скорее для плантационного рабства⁵.

Обсуждая вопрос о различиях классического французского и русского (российского) вариантов феодального общества, нельзя не коснуться темы городской экономики.

Города средневековой Франции довольно быстро освободились от феодальной зависимости. Коммунальные революции начались здесь еще в XII веке. К концу средневековой эпохи Париж, Руан, Марсель, Лилль, другие французские города, даже небольшие, противостояли типичному для феодализма натуральному хозяйству, как развитые центры ремесла и торговли. Они имели собственное самоуправление, были свободны от уплаты феодальной ренты сеньерам. Французские короли опирались на городскую экономику, используя ее как таран против своеволия крупнейших феодальных вотчинников. Именно внутри городов

⁵ Отношения ниже классических феодальных упорно насаждались российским законодательством еще в XVIII веке. Так, в 1760 г. в России был издан указ о разрешении помещикам ссылать крепостных крестьян в Сибирь. В 1765 и 1767 гг., в период правления такой, несомненно, просвещенной, находящейся в постоянной переписке с Вольтером и Дидро, особы, какой была Екатерина II, последовали указы о разрешении помещикам ссылать крепостных крестьян на каторгу и о запрещении крепостным крестьянам жаловаться на помещиков. Напомним также, что лишь в 1841 г. в России был принят закон, запрещавший продавать крестьян без земли и поодиночке. Два года спустя покупать крестьян запретили безземельным дворянам. Запрещение разбивать крестьянские семьи и разрушать связь крестьян с собственным хозяйством было, таким образом, законодательно установлено лишь незадолго до отмены крепостного права. Почти вся история российского феодализма протекала, следовательно, без такого запрета.

зародилось сословие, которому предстояло позднее превратиться в господствующий класс капиталистического общества. Само слово «буржуа», французское по происхождению, означало «горожанин»⁶. Даже Столетняя война нанесла относительно небольшое, по сравнению с сельским хозяйством, урон городской экономике, защищенной мощными укреплениями [Baïgosh et autres, 1988].

Иное дело – история городов на Руси. В летописях отмечен их расцвет в период Киевской державы. Но он был недолгим. Монгольское нашествие и последующее золотоордынское иго нанесли городской экономике страны тяжкий удар. Из 74 русских городов 49 были разорены, из них 14 более никогда не возродились (в том числе, такой крупный центр, как Рязань⁷); 15 бывших городов превратились в села [Нефедов, 2002]. Множество ремесленников было перебито или угнано в рабство. Торговля постепенно восстановилась, но в XIII – XIV вв. в русских городах торговали, главным образом, сельскохозяйственной продукцией. Русские города не стали и не могли стать центрами сопротивления феодализму. Они подверглись закреплению наряду с сельскими поселениями: закрепление жителей городских посадов было санкционировано Соборным Уложением 1649 г., то есть завершилось одновременно с закреплением русских крестьян.

В заключение отметим, что государственность средневековой Руси прошла те же стадии, что во Франции и других ведущих европейских странах – от раннеклассовой монархии к раздробленности, а затем к образованию единого централизованного государства. Но в той же Франции объединение страны к концу XV в. было обусловлено в первую очередь экономическими мотивами, в частности, объединительной ролью городов и торговли. В России же политические интересы, интересы освобождения от иноземного ига превалировали над экономическими. При этом и сама государственная власть перенимала черты власти ордынских поработителей, двигаясь в направлении самодержавия. Напомним, что уже к концу XV в. в России были подорваны, а в начале XVI в. окончательно угасли последние очаги вечевой демократии.

Во Франции эпохи классического феодализма социальная структура поддерживалась отношениями вассалитета, где вертикальные связи господства и подчинения дополнялись взаимными обязательствами между сеньером и его вассалом. На Руси отношения вассалитета были развиты слабо и очень быстро эволюционировали в отношения подданничества, при которых экономический статус, права, общее благосостояние, а порой и сама жизнь подданных зависели от воли монарха. Исторически объяснимой является последующая слабость российского предпринимательства, российской буржуазии, ее вековая придавленность государственной властью, особенно заметная на фоне классических образцов Западной Европы.

⁶ Заметим en passant, что в «Капитале» К. Маркса имеется лингвистический экскурс, имеющий прямое отношение к обсуждаемой теме. К. Маркс пишет: «Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: «Nulle terre sans seigneur». - «L'argent n'a pas de maître» («Нет земли без господина». – «Деньги не имеют хозяина»))» [Маркс, 1973 (1867). С. 157].

⁷ Современная Рязань находится примерно в 60 км от того места, где стоял одноименный город, разоренный полчищами Батая.

Список литературы

Основная литература

Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М. Дрофа. 2007.

История Франции. В трех томах. Том 1. Ред. колл. А.З. Манфред и др. М. Наука. 1972.

История средних веков (в двух томах). Т. I. Под ред. С.Д. Сказкина и др. М. Изд-во Высшая школа. 1966.

Экономическая история капиталистических стран. Под ред. Ф.Я. Полянского, В.А. Жамина. М. Изд-во Моск. ун-та. 1986.

Дополнительная литература

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Т. 1-2. Челябинск. Социум. 2004.

Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики зарубежных стран. М., Палеотип, Логос. 2003.

Маркс К. Капитал. Т.1. М., Политиздат. 1973.

Моруа, Андре. История Франции: от римского времени до начала Великой Французской революции. Пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитар. акад., 2008.

Нефедов С.А. О демографических циклах в истории Средневековой Руси // Клио. 2002. №3. С. 193-203.

Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. М., Проспект. 1999.

Полянский Ф.Я. Экономическая история капиталистических стран. М. 1962.

Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., Изд-во МГУ. 1968.

Худокормов А.Г. Генезис классического феодализма на территории Франции // Вестник Московского университета. Серия 6: экономика. № 3. 2015.

Bairoch P., Batou J., Chèvre P. La population des villes européennes de 800 à 1850. Genève. Droz. 1988.

Boutruche R. Seigneurie et féodalité. Т. 1. 2 ème édition. Paris. 1968.

Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France. Paris. Flammarion. 1977.

Fossier R. Histoire économique de l'Occident médiéval. Paris. 1969.

Fourquin G. Les campagnes de la region parisienne à la fin du Moyen Age. Paris. 1964.

CLASSIC FEUDALISM IN FRANCE DURING THE “HIGH MIDDLE AGES” (SOCIO-ECONOMIC ASPECTS)

Alexander Khudokormov

Ph.D., Professor

*Head of the Department
of history of the national economy and
economic doctrines*

MSU

*Faculty of Economics
(Moscow, Russia)*

Abstract

The article is devoted to the economic history of French feudalism. The main problems considered here are: feudal fragmentation of the XI - XIII centuries and the gradual overcoming of the tragic consequences of the hundred years war (1337-1453) and the subsequent revival of the French economy, the position of the main classes of feudal estates and France.

This article is a continuation of the material "The Economic history of classical feudalism (by the example of France)" published in the journal "Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy", № 3 and prepared by Professor A. Hudokormov.

Keywords: economic history of France, feudal fragmentation, economic policy, French and Russian feudalism` comparison.

JEL codes: N 400, O 130.